

На правах рукописи

Кузьмишин Евгений Леонидович

**Государственная политика
в отношении старообрядцев в Российской империи
в период правления Александра III**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре политической истории факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: Кандидат исторических наук, доцент
Городницкий Роман Александрович

Официальные оппоненты: Доктор исторических наук,
профессор
Сучков Игорь Викторович
Кандидат исторических наук
Серков Андрей Иванович

Ведущая организация: Российский национальный
исследовательский медицинский
университет имени Н. И. Пирогова

Защита состоится «20» апреля 2012 г. в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета Д.501.001.98 в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, ФГУ, ауд. А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной библиотеки имени А. М. Горького МГУ имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор А, комн. 114.

E-mail: DissHist@spa.msu.ru

Автореферат разослан « » марта 2012 года.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н. Л. Головкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Происходящие в настоящее время изменения в отношении государства и общества к религии и ее административно-конфессиональным формам приводят к возрождению в общественном сознании интереса к духовно-религиозной традиции, ее истокам и истории. Тенденции развития межконфессиональных и церковно-государственных отношений в последние десятилетия указывают на необходимость поиска оптимальных форм взаимоотношений между государством и различными религиозными объединениями в такой поликонфессиональной стране, как Россия. Изучение истории развития государственной политики России в отношении старообрядчества в различные исторические периоды предоставляет возможность выявить основные формирующие элементы и характерные свойства этой политики, пути ее реализации и спектр реакций на них со стороны непосредственного объекта этой политики и общества в целом.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется тем, что она связана с широким спектром проблем внутренней и внешней политики России последней четверти XIX в., поэтому ее исследование актуально для дальнейшего развития отечественной истории. История формирования и реализации религиозной политики в поликонфессиональной стране – это опыт человеческой цивилизации, который может быть учтен и использован в современной общественно-политической практике. В исторической науке существует потребность в формировании целостного подхода к изучению государственной политики исследуемого периода отечественной истории, важную роль в которой играл религиозно-церковный фактор.

В качестве **объекта исследования** выступает государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в последней четверти XIX в., в период контрреформ в годы правления императора Александра III (1881–1894).

Предметом исследования являются взаимоотношения государственной власти и ее официальных институтов, включая русскую православную церковь – с одной стороны, и старообрядческих объединений различных согласий и толков – с другой стороны, в Российской империи в указанный исторический период.

Хронологические рамки исследования определяются периодом контрреформ в правление Александра III (1881–1894). В Главе 1

также приводятся данные диахронного исследования государственной конфессиональной политики в Российской империи по отношению к старообрядческим общинам в более ранние периоды XIX в.

Территориальные рамки исследования определяются границами Российской империи исследуемого исторического периода.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научной объективности и системности, позволяющие изучить различные явления и исторические процессы во взаимосвязи элементов их развития, взаимного влияния, на основе комплексного анализа источников различных видов. Так, реализация государственной конфессиональной политики в отношении старообрядчества изучалась в связи с развитием взаимоотношений государства и господствующей церкви, господствующей церкви и старообрядчества.

В исследовании использовались как общенаучные, так и исторические методы: логический, сравнительно-исторический, формально-количественный, дедуктивный, индуктивный, диахронный и др. В частности, диахронный метод продуктивен при параллельном анализе различных по своему происхождению документов. В сочетании с дедуктивным и индуктивным методами он позволяет строить на основании изученных документальных материалов обобщения и выводы о сущности и базовых характеристиках исследуемых общественных и политических процессов. Применение сравнительно-исторического метода к изучению взаимоотношений государственных институтов Российской империи с различными конфессиями, отличными от государственной церкви, позволяет выявить общее и частное в парадигме общественных и политических взаимоотношений. Формально-количественный метод использовался для определения численного соотношения между различными толками старообрядчества в исследуемый период. Использование цивилизационного подхода к изучению истории позволяет рассмотреть исследуемый частный случай применения государственной конфессиональной политики в общем контексте развития Российской империи на данном историческом этапе.

Источниковая база исследования. Источники, на которых основано данное диссертационное исследование, можно типологически разделить на опубликованные и неопубликованные, а также официальные и неофициальные.

К опубликованным официальным источникам можно отнести своды законодательства Российской империи в отношении православного и иных

исповеданий¹, отчеты обер-прокурора Святейшего Синода², а также материалы церковной прессы исследуемого периода («Миссионерское обозрение», «Церковные ведомости», «Херсонские епархиальные ведомости»), где публиковались официальные правительственные документы, отражавшие позицию руководства страны в области религиозно-церковной политики.

К опубликованным неофициальным источникам относится светская пресса исследуемого периода, выражавшая точки зрения различных общественных групп и отдельных лиц на текущие события и политические тенденции («Исторический вестник», «Русская мысль», «Русский вестник» «Страна» и др.). Данные источники отражают спектр мнений, бытовавших в российском обществе исследуемого периода в отношении религиозной политики государства и межконфессиональных отношений. Также в прессе исследуемого периода сравнительно часто приводятся статистические и аналитические данные (например, о численности различных конфессий в стране), которые были использованы в диссертации.

Также была использована мемуарная литература авторства как представителей государственной власти Российской империи, определявших ее политику в религиозной сфере (К. П. Победоносцев³, П. С. Смирнов⁴ и др.), так и сторонников оппозиционных взглядов, участников революционного движения (В. Н. Степняк-Кравчинский⁵, В. Н. Фигнер⁶, Г. В. Плеханов⁷ и др.), представителей старообрядческих общин и идеологов раскола (Я. А. Абрамов⁸,

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1881; Свод законов Российской империи. СПб., 1892 и др.

² Выписка из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб., 1892; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1900 г. СПб., 1903 и др.

³ Победоносцев К. П. Из воспоминаний о Н. И. Ильминском // Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений, Казань: б/и, 1892; Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996.

⁴ Смирнов П. С. Из истории полемики с расколом // Православное обозрение. М., 1889. № 5; Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб.: Синодальная типография, 1895.

⁵ Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия // Сочинения. В 2 тт., М.: Художественная литература, 1987.

⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд: воспоминания в 2 томах. М.: Мысль, 1964; Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л.-М.: Госиздат, 1925.

⁷ Плеханов Г. В. Сочинения в 24 тт., 3-е изд. М.: Госиздат, 1925; Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении: Статьи 1885–1903 гг. / Составители: И. Н. Курбатова, В. А. Уланов. Л.: Лениздат, 1989.

⁸ Абрамов Я. А. К вопросу о веротерпимости // «Отечественные записки». № 258. 2 февраля 1882.

П. Харламов⁹ и др.). Изучение данных источников помогает проследить этапы подготовки государственных документов в области конфессиональной политики, понять предпосылки их создания, а также уточнить обстоятельства исторических событий, определявших государственную политику в отношении старообрядчества в исследуемый период. Особое значение в ходе исследования приобрело изучение переписки непосредственных участников событий, определявших основные векторы имперской государственной политики в исследуемый период (П. И. Мельников¹⁰, Н. И. Субботин¹¹, К. П. Победоносцев¹²). Данные источники способствуют более глубокому пониманию мотивов и путей формирования государственной политики исследуемого периода, содержат важные статистические (например, о численности старообрядческих толков) и иные (например, о сложности статистического учета этой религиозной группы) данные.

К неопубликованным источникам следует отнести документы архивных фондов. Основными архивными источниками, использованными в работе над диссертационным исследованием, являлись фонды Научно-исследовательского отдела рукописей Российской Государственной Библиотеки (НИОР РГБ) №№ 246 и 247 (Рогожское кладбище) и фонд № 579 (Собрание Братства Св. Петра), содержащие многочисленные и разноплановые материалы по теме старообрядчества в Российской империи исследуемого периода. В частности, большое значение для исследования имеют входящие в данные фонды копии циркулярных писем Министерства внутренних дел губернаторам¹³, сочинения апологетов старообрядчества¹⁴, дневниковые и мемуарные записи участников исследуемых событий, многожанровые сборники¹⁵.

⁹ НИОР РГБ. Ф. 579. № 264 (П. Харламов «Краткий биографический обзор из гонений старообрядцев в XVII, XVIII, XVIII веках. Взгляд ученых на духовно-гражданскую администрацию», нач XX в.).

¹⁰ Мельников П. И. Письма о расколе // Мельников П. И. (Андрей Печерский) Собрание сочинений в 8 тт. М.: Правда, 1976.

¹¹ Марков В. С. К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф[ессора] Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для раскола и отношений к нему правительства (1865–1904). Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914.

¹² К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки / Предисловие М. Н. Покровского. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923; Переписка К. П. Победоносцева с епископом Херсонским и Одесским Никанором (1885–1886) // Русский архив. №№ 8, 9, 11, 12. 1915.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. хр. 7 и др.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 579. Ед. хр. 387 «Памятная записка о событиях, происшедших за последнее время в старообрядчестве» и др.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 579. Ед. хр. 168, м/ф № 815-09/316 «Сборник старообрядческий составной» и др.

Также в исследовании были использованы архивные материалы, косвенно связанные с исследуемой темой, а именно корреспонденция митрополита Филарета Московского по теме раскола¹⁶. Преимущественно данные фонды содержат рукописные материалы (сборники, корреспонденция, официальные документы, дневниковые записи), относящиеся к быту старообрядческих общин, концентрировавшихся вокруг старообрядческой церкви на московском Рогожском кладбище, которая на протяжении многих лет служила духовным и административным центром российского старообрядчества Белокриницкого согласия и остается таковым по сей день.

Также были использованы материалы экспедиций чиновника Министерства внутренних дел по особым поручениям П. И. Мельникова по изучению старообрядчества, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации¹⁷; официальные письма обер-прокурора Святейшего Синода и иные документы по делам инославных и иноверческих общин, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве¹⁸. Кроме аналитических данных, в этих источниках содержится описание мер, предпринимаемых государственной властью в отношении как господствующей церкви, так и иных исповеданий. Эти же данные вместе с описанием основных идеологических и догматических различий между религиозными конфессиями содержатся в опубликованной в исследуемый период церковной литературе¹⁹.

Таким образом, обширность и разнообразие источниковой базы предоставляют достаточную документальную основу для реализации задач настоящего диссертационного исследования.

Степень изученности темы. Историография темы исследования подразделяется на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный. Общее понимание и тенденции освещения данной темы рождались в спорах внутри светской и церковной историографий.

Вопрос о роли религии и церкви в жизни государства и общества в последней четверти XIX в. стал объектом ожесточенной полемики. Из комплекса научной

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 169. Ед. хр. 2, № 262 «Донесение митр[ополита] Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) в Синод...» и др.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 109 «III экспедиция Третьего отделения». Оп. 2; Ф. 722 «Великий Князь Константин Николаевич». Оп. 1; Ф. 4047 «Рябушинский П. П.». Оп. 11.

¹⁸ РГИА. Ф. 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Оп. 8. Оп. 133. Оп. 150.

¹⁹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888; Малышев И. Три поучения, произнесенные в опровержение старообрядческого расколоучения... СПб., 1893 и др.

литературы по истории старообрядчества в Российской империи нами были отобраны те работы, которые, на наш взгляд, способны отразить основные направления и тенденции в исследованиях по данной проблеме.

Историография дореволюционного периода представлена официальным (консервативным, охранительным, богословским) и демократическим (почвенническим или либерально-западническим) направлениями. Труды авторов, которых можно отнести к официальному направлению историографии, характеризует, прежде всего, негативное отношение к расколу и старообрядчеству: большинство авторов данного направления являлись духовными лицами, принадлежавшими к официальной православной церкви. Одной из первых серьезных работ по истории старообрядчества, в которых затрагивались вопросы государственных мер, стала изданная в 1855 г. «История русского раскола, известного под именем старообрядства»²⁰ епископа Винницкого Макария Булгакова. В «Истории русского раскола...» впервые предпринята попытка систематизации раскольнического движения и определения основных характеристик его главных толков.

Характерными для этого этапа историографии являются труды доцента кафедры истории и обличения русского раскола Санкт-Петербургской Духовной Академии П. С. Смирнова²¹. Его работы внесли существенный вклад в изучение основных направлений государственной политики в отношении староверов в России, хотя и были чрезвычайно насыщены обвинительным пафосом, что в определенной степени лишало их научной объективности.

Среди работ официального направления историографии, посвященных непосредственно истории реализации государственной политики по отношению к старообрядчеству, следует выделить восьмой том «Истории Министерства внутренних дел»²² доктора права и философии, чиновника особых поручений Н. В. Варадинова, посвященный оправданию действий правительства, направленных на борьбу со старообрядчеством.

²⁰ Булгаков, епископ Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.

²¹ Смирнов П. С. Из истории полемики с расколом // Православное обозрение. М., 1889. № 5; Из истории раскола первой половины XVIII века по неизданным источникам. СПб., 1908; История русского раскола старообрядства. СПб., 1895.

²² Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел в 8 тт. СПб.: типография МВД, 1858–1863.

С датой 200-летия раскола православной церкви связано появление многочисленных научных работ демократического направления в историографии старообрядчества. Положительную позицию по отношению к старOVERиеру занимал П. И. Мельников²³, которому противостоял А. П. Щапов²⁴, рассматривавший старообрядчество как «народную силу», не отказывая ему и во влиянии на тенденции развития общественной идеологии.

Довольно подробно описан исследуемый период в труде В. О. Ключевского «Курс русской истории»²⁵, где царствование Александра III подвергается всестороннему анализу, с точки зрения как экономического и политического положения страны, так и ее культурного, общественного и социального развития.

Одним из видных исследователей, попытавшихся охватить всю полноту исторического и философского знания об истории старообрядчества, стал В. Г. Сенатов²⁶, который вслед за другими старообрядческими авторами предпринял попытку доказать преемственность старOVERиерия дониконовскому православию, подробно описывая в своих работах догматические различия между старOVERерческими толками и обстоятельства жизни старOVERерческих общин в России.

Дореволюционная историография внесла значительный вклад в первичную систематизацию знания о старообрядческом движении, результатами которой пользовались все исследователи последующих периодов. В то же время нельзя не заметить, что авторы указанных трудов преимущественно были ориентированы на анализ довольно узких проблем (характеристика отдельных старOVERерческих толков, популяризация единоверия) и не ставили задачи воссоздания целостной картины развития взаимоотношений государства со старообрядческим движением.

Советская историография старообрядчества как объекта государственной конфессиональной политики характеризовалась, прежде всего, системой подходов, соответствовавших марксистской методологии. Религиозные

²³ Мельников П. И. Искание старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства. СПб., 1868; Счисление раскольников // Русский вестник. М., 1868. № 2; Очерки поповщины // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 тт. М.: Правда, 1976; Письма о расколе // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 тт. М.: Правда, 1976.

²⁴ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи со внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. // Сочинения А. П. Щапова. Т. 1. СПб., 1906.

²⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: ИДДК, 2005.

²⁶ Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М.: Церковь, 1995.

аспекты исследуемых процессов рассматривались в отрыве от социальных, либо вовсе не затрагивались. При этом определенный интерес представляет очерк царствования Александра III, предложенный Н. А. Рожковым в объемной работе «Русская история в сравнительно-историческом освещении»²⁷, где предпринимается попытка осмысления мотивов и способов осуществления государственной политики страны в религиозной сфере. Крупный вклад в изучение начального периода староверия внес Н. И. Никольский²⁸, рассматривавший раскол как противостояние социальных групп: остатков боярской знати, стрелецкого служилого сословия, а позднее – посадских людей и крестьянства. Эти социальные группы населения Н. И. Никольский считает враждебными дворянскому государству, а уход в старообрядчество, таким образом, – борьбой с господствующей церковью и государством. Раскол и дальнейшая история старообрядчества зачастую рассматривались советскими авторами как одна из форм антифеодального протеста, а отношение к государственной конфессиональной политике было однозначно негативным. Также изучению царствования Александра III посвятил свои работы П. А. Зайончковский²⁹, представивший всесторонний и фундаментальный анализ основных политических и социальных процессов исследуемого периода.

Современная историография характеризуется как разнообразием тем, так и участием в ее формировании представителей различных областей науки: историки, философы, экономисты, социологи рассматривают историю старообрядчества с разных сторон. В исследовательской литературе получает распространение комплексный подход к изучению старообрядчества. Так, в работах Н. С. Гурьяновой³⁰ и О. П. Ершовой³¹ дана характеристика существующих исследовательских направлений, их обзор доведен до второй половины XX в. Но поскольку исследование

²⁷ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Пг.-М., 1918–1926.

²⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1983.

²⁹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970; Отмена крепостного права в России. М.: Госиздат, 1968.

³⁰ Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма». Новосибирск, 1988 // Староверие в документах. [Электронный ресурс] URL: <http://starajavera.narod.ru/guriynovaProtest.html> (дата обращения: 08.09.2010).

³¹ Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М.: Уникум-Центр, 1999.

Н. С. Гурьяновой посвящено анализу эсхатологических воззрений староверов, а исследование О. П. Ершовой – вопросам взаимоотношений государственной власти и старообрядчества, в первом случае, основное внимание уделено внутренней историографии старообрядчества, а во втором – светской историографии. Синодальная историография охарактеризована Н. С. Гурьяновой как предполагающая изучение церковного раскола исключительно как религиозного явления, без учета его социальных аспектов. Исследуя историю взаимоотношений старообрядчества и государственной власти, О. П. Ершова подробно освещает историографию проблемы. Ей же принадлежит наблюдение о спорности церковной историографии, поскольку концепция последней, по мнению автора, основана преимущественно на догматике и характеризуется негативным отношением к старообрядчеству, стремлением доказать ложность его учения и антигосударственный характер.

Начиная с 1991 г., изучение старообрядчества в российской исторической науке вышло на новый уровень, в первую очередь, за счет накопления в 1990-е гг. значительного объема материала по истории старообрядческого движения, что вызвало потребность осмыслить основные этапы его изучения. Новой вехой в изучении историографии старообрядчества стало исследование академика Н. Н. Покровского «Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями»³². Автор отмечает многообразие исторических исследований, определяет проблемы, стоявшие перед историками, занимавшимися изучением раскола. Светская историография, подчеркивающая социальные и политические аспекты истории старообрядчества, и церковная историография, сосредоточенная на религиозной ее стороне, должны, по мнению исследователя, дополнять и обогащать друг друга. При этом вопросы государственной и церковной политики в отношении старообрядчества остаются в центре внимания и современных исследователей.

Для 90-х годов XX в. характерен всплеск интереса к истории и современным проблемам старообрядчества среди ученых и широкой общественности, а также самих староверов. Следствием этого стала организация научных конференций, позволивших определить направленность современных исследований («Живая традиция». Москва, 1995; «Старообрядчество: история, культура, современность». Москва, 1996–1998 и др.) где обсуждались методы и источники исследования истории

³² Покровский Н. Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник. М., 1998. С. 3–20.

старообрядчества; язык и литература русского старообрядчества; история и культура старообрядческих общин Москвы, Сибири, Дальнего Востока, других регионов России и зарубежья.

Изнаучных монографий и диссертаций последнего времени, посвященных исследованию старообрядчества и иных религиозных групп в России предреволюционной эпохи, можно отметить труды Н. Н. Агафоновой³³, Н. В. Асиповой³⁴, А. Ю. Бендина³⁵, Е. А. Вишленковой³⁶, О. Н. Савицкой³⁷ и др. В данных работах рассматриваются проблемы взаимосвязи политических преобразований и общественных настроений в стране в исследуемый период, большое внимание уделяется влиянию государственной политики на старообрядческие религиозные общности.

Представляют интерес работы А. Н. Боханова «Александр III»³⁸ и Е. П. Толмачева «Миротворец Александр III и его время»³⁹, посвященные всестороннему анализу жизни и деятельности самого императора и разным аспектам жизни страны в период его правления, в частности, формирования новой российской идеологии на основе изоляционизма и ужесточения внутренней государственной политики.

С точки зрения социологического анализа исторических процессов интересна работа Б. Н. Миронова⁴⁰, представляющая собой комплексное междисциплинарное исследование, в частности, посвященное обобщению характеристик фундаментального противоречия российской государственной политики, существовавшего между тотальным закрепощением всех слоев

³³ Агафонова Н. Н. Некоторые аспекты традиционно-бытовой культуры Пермского старообрядчества // Труды КАЭЭ ПГПУ / Под ред. А. М. Белавина. Пермь: Издательство ПГПУ, 2001.

³⁴ Асипова Н. В. Церковный раскол в общественном мнении России (конец 1850-х–1860-е гг.). Автореферат канд. дисс. М.: Издательство РАГС при Президенте Российской Федерации, 2009.

³⁵ Бендин А. Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая половина XIX–начало XX вв.) // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс] URL: <http://www.church.by/resource/Dir0176/Dir0692/> (дата обращения: 20.06.2011).

³⁶ Вишленкова Е. А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.). Автореферат канд. дисс. Казань: Изд-во КГУ, 1996.

³⁷ Савицкая О. Н. История старообрядческого религиозного движения в Южном Зауралье в середине XVII–начале XX вв. Автореферат канд. дисс. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000.

³⁸ Боханов А. Н. Александр III. М.: Вече, 2007.

³⁹ Толмачев Е. П. Миротворец Александр III и его время. М.: Воениздат, 2008.

⁴⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999.

общества и идеологией исторического оптимизма. Выводы Б. Н. Миронова о понятии раскола и его роли в социальной истории имперской России способствуют формированию системного подхода к анализу исторических процессов, в частности, исследуемого периода.

Особое значение для настоящего исследования имеет ряд работ А. Ю. Полунова, посвященных основной личности, определявшей религиозную политику в России на протяжении значительного времени – обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву⁴¹. В них автор раскрывает различные стороны деятельности К. П. Победоносцева на материале официальных правительственных документов и личной переписки. Так, автором собраны многочисленные свидетельства неоднозначного отношения К. П. Победоносцева к общему ходу контрреформ и религиозно-конфессиональной политике в стране, при том что К. П. Победоносцев в исследуемый период занимал руководящее положение в данной области государственной политики и был известен проведением по отношению к старообрядцам крайне жесткого курса, нацеленного на ограничение прав и даже на полное искоренение данных конфессий. В зарубежной историографии русского церковного раскола одним из немногочисленных фундаментальных трудов по истории данного феномена является исследование Пьера Паскаля «Аввакум и начало раскола»⁴². В этой работе приводится сравнительный анализ основных течений и толков в старообрядчестве, возникших впоследствии. Также в ней содержится изложение староверческих религиозных догматов в области взаимоотношений с государственной властью, использованное в настоящем исследовании. К эсхатологическому учению старообрядчества и его связи с отрицанием государства как института староверами некоторых согласий обращался также американский исследователь Р. О. Крамми⁴³.

В настоящее время наблюдается новая тенденция: рост вовлеченности в западный научно-исследовательский процесс представителей различных старообрядческих толков, выходцев из кругов русских староверов-эмигрантов разных лет. Примером может служить современный проект Орегонского

⁴¹ Полунов А. Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М.: МАКС Пресс, 2010; Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996 и др.

⁴² Паскаль, Пьер Аввакум и начало раскола. М.: Знак, 2010.

⁴³ Crummey, Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press, 1970.

университета по изучению старообрядчества⁴⁴, основанный на трудах американских ученых русского происхождения⁴⁵. Однако в целом зарубежная историография старообрядчества невелика и не имела большого значения для отечественных авторов, хотя оказала существенное влияние на исследователей-эмигрантов XX в. (В. В. Зеньковский⁴⁶, Б. В. Вышеславцев⁴⁷ и др.).

Анализ исторической литературы демонстрирует, что более всего нуждается в дополнительных исследованиях именно период конца XIX–начала XX вв., когда старообрядчество, опираясь на накопленный им политический и экономический опыт, заняло определенное место как в конфессиональной, так и в социальной сферах.

Изучение проблематики исследований приводит к выводам о том, что сравнительно мало внимания уделяется политическим аспектам истории старообрядчества, его взаимоотношениям с властными структурами. Между тем этот вопрос является одним из основных во всей истории староверия. Именно он определял судьбу старообрядческих толков, качество и степень их интеграции в жизнь общества в разные исторические периоды. Изучение историографии темы позволяет заключить, что проблема старообрядчества и государственной политики в области религии в последней четверти XIX–первой четверти XX вв. недостаточно исследована и может стать предметом дальнейшего научного изучения.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем на основе комплексного подхода рассматривается содержание взаимоотношений между государственной властью в России и староверческими общинами исследуемого периода. В России последней четверти XIX в. религиозная политика была формообразующим элементом внутренней и внешней политики. В настоящем исследовании проведен комплексный исторический анализ различных сторон государственной политики в области взаимоотношений между властными структурами и

⁴⁴ Russian Old Believers: project S 1–153 // Oregon Historical Society [Электронный ресурс] URL: http://www.ohs.org/education/oregonhistory/historical_records/dspDocument.cfm?doc_ID=764E6BED-FFC4-C034-9A5563F41CE37080 (дата обращения: 20.11.2011).

⁴⁵ Brother Ambros. A Short History of the Old Believer Communities in Oregon, Columbia River Basin Ethnic History Archive. Washington State University, Vancouver, Wash, 1979.

⁴⁶ Зеньковский В. В. Апологетика // Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997; Зеньковский В. В. Очерк моей философской системы // Памяти отца Василия Зеньковского. Париж: Р.С.Х.Д., 1984.

⁴⁷ Вышеславцев Б. П. Христианство и социальный вопрос. Варшава, 1929.

религиозными организациями старообрядцев, а также между последними и господствующей церковью; сделаны выводы о различной сути этих взаимоотношений применительно к основным старообрядческим толкам.

В ходе исследования были выявлены основные причины формирования разного отношения старообрядческих религиозных объединений в отношении государственной власти и проводимой ею внутренней политики. В частности, данными различиями определялся характер участия старообрядческих толков в народническом движении; комплексно изучена связь между государственной конфессиональной политикой и участием членов старообрядческих общин в народническом движении на протяжении рассматриваемого периода, связанного с радикальными изменениями в области религиозно-церковной политики.

В исследовании впервые вводятся в научный оборот несколько документов из архивных фондов Рогожского кладбища, представляющих определенную ценность для изучения положения староверческих общин в Российской империи в период правления Александра III; проводится сравнение документов, составленных представителями государственной власти и участниками старообрядческого религиозного движения, которое способствует целостному восприятию взаимоотношений власти и старообрядческого сообщества⁴⁸.

Цели диссертационного исследования: изучить процесс реализации государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в Российской империи в период правления Александра III, выделив при этом как общие черты, так и специфические; проанализировать спектр реакций различных старообрядческих общин на сущность и методы реализации этой политики, включая результирующую вовлеченность членов старообрядческих общин в революционное движение исследуемого периода.

Для достижения поставленных целей в работе решались следующие **задачи**:

– выявить основные элементы официальной концепции религиозной политики Российской империи в отношении староверческих общин;

⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 246, карт. 169, ед. 2, № 262 (Донесение митр. Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) в Синод по поводу уклонения в раскол крестьян из прихода Спасской церкви в селе Ивашкове Волоколамского уезда. 29.12.1861); НИОР РГБ. Ф. 579. № 387 (Памятная записка о событиях, происшедших за последнее время в старообрядчестве); НИОР РГБ. Ф. 246, карт. 169, ед. 2 (Отношение Кузнецкого окружного полицейского управления Томской губ. в Тульское городское полицейское управление по делу о тульском купце II гильдии С. В. Левшине, именуемом себя Тобольским старообрядческим епископом Белокриницкой епархии Савватием, 1889); НИОР РГБ. Ф. 579, ед. 168, м. 5603, м/ф № 815-09/316 (Сборник старообрядческий составной) и др.

– охарактеризовать положение староверческих общин на территории Российской империи в период правления императора Александра III на основе сравнения условий существования различных старообрядческих общин и их взаимоотношений между собой, с органами государственной власти и общественными движениями исследуемого периода;

– определить различия в адаптации к историческим реалиям исследуемого периода и во взаимоотношениях с властными структурами и общественными движениями, существовавшие между двумя основными направлениями внутри старообрядческой религиозной группы (поповщиной и беспоповщиной);

– определить причины и следствия различий в восприятии данными двумя религиозными группами политических реалий; охарактеризовать их реакцию на способы реализации государственной политики.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

– Государственная политика Российской империи в отношении старообрядческих общин в период правления Александра III характеризовалась неопределенностью и переменчивостью, обусловленными противоречиями между имеющимся законодательством в области государственной религиозной политики и новыми правительственными инициативами в этой области.

– В период контрреформ 1881–1894 гг. определяющую роль в государственной политике в отношении старообрядцев играл ряд правительственных инициатив, в основном, разработывавшихся Святейшим Синодом под руководством К. П. Победоносцева и нацеленных на всестороннее ограничение религиозных и гражданских прав старообрядцев, системное ужесточение их преследований.

– Реализация государственной политики на этом этапе осуществлялась в отношении всех старообрядческих общин в равной степени и одинаковыми методами, без учета существовавшего в среде старообрядчества деления на толки и согласия.

– Старообрядческие общины, в свою очередь, демонстрировали различные реакции на проводимую в их отношении государственную политику, основанные на различиях, существовавших между старообрядческими толками в понимании государственной власти вообще и в отношении к религиозным преследованиям с ее стороны, в частности.

– Более многочисленное поповское течение старообрядчества было в период правления Александра III в общем и целом интегрировано в политическую, экономическую и общественную жизнь страны, что обусловило меньшую интенсивность как правительственных преследований в отношении данного течения, так и протестной реакции его приверженцев на реализацию государственной политики.

– В то же время представители малочисленных разрозненных объединений беспоповского течения старообрядчества зачастую демонстрировали более резкое неприятие мер государственной политики в области религии и церкви, а также протестное поведение, выражавшееся, в частности, в участии представителей старообрядческих общин в народническом революционном движении.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена возможностью использования его результатов в учебных курсах по истории религий России, государственной политики России в отношении религиозных общин, а также политической истории страны в целом – ввиду активной вовлеченности членов староверческих общин в политическую жизнь Российской империи на разных этапах ее развития.

Также существует возможность использования материалов данного исследования при подготовке специальных курсов и семинаров по истории Русской православной церкви и старообрядчества в России.

Материалы и выводы настоящего исследования могут быть учтены в деятельности государственных и общественных структур, занятых деятельностью, связанной с религиозно-церковной сферой. В особенности важным представляется изучение опыта государственного регулирования религиозной сферы в свете расширения и углубления роли религиозных организаций в современной России.

Отдельные положения работы могут использоваться представителями других научных дисциплин: правоведами, политологами, социологами, культурологами, религиоведами.

Апробация исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на Кафедре политической истории Факультета государственного управления Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования изложены в 5 публикациях общим объемом

3,2 п. л., в том числе в трех статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях рекомендованного списка ВАК РФ.

Содержание диссертационного исследования

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав и заключения, списка использованных неопубликованных и опубликованных исторических источников и списка справочной и исследовательской литературы.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень изученности избранной научной проблемы, определяются объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, охарактеризованы хронологические рамки, обоснованы теоретико-методологические основы и методы исследования, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость его результатов. Также в нем анализируется степень изученности темы исследования, как в части общей социально-политической характеристики исследуемого исторического периода, так и в части сравнительно-исторического исследования староверия как духовно-религиозного течения и социально-политической силы.

Первая глава исследования – «**Развитие взаимоотношений старообрядцев с государственной властью в Российской империи**», – состоит из двух разделов.

Раздел 1.1. – «**Особенности и изменения государственной политики в отношении старообрядцев в России на протяжении XIX в.**», посвящен анализу развития государственной политики в отношении староверческих общин в Российской империи в рассматриваемый исторический период.

К началу XIX в. Россия сформировалась как многонациональное государство, в котором проблема межконфессиональных отношений была связана с интеграцией присоединенных народов в состав империи. Политика правительства во многом исходила из господствовавших в обществе политических, социальных и культурных представлений о характере взаимодействия светской и духовной власти, о степени допустимости государственного вмешательства в вероисповедные дела населения.

На протяжении XIX в. при общей религиозности российского общества лишь отдельные сторонники тех или иных социально-религиозных взглядов, принадлежавшие к различным общественным слоям, участвовали в общественной дискуссии по данным вопросам и оказывали влияние на складывавшиеся общественно-религиозные отношения. В первые

десятилетия XIX в. подобными субъективными факторами могли быть мотивированы либеральный либо консервативный подход к решению важных проблем духовной и светской общественной жизни.

При императоре Николае I поддерживалось отрицательное отношение государства к проявлениям религиозного фанатизма и обскурантизма. В то же время не были терпимы и «вольномыслие» в вопросах веры, любые посягательства на православную церковь, подрыв ее позиций, в особенности подвергались преследованиям религиозные секты и течения, не признававшие официального православия. «Переход в раскол» рассматривался как опасный не только в религиозном, но и в политическом отношении, поскольку подготавливал умы к осознанию возможности неповиновения властям и предоставлял ему идеологическое оправдание.

В 1825, 1831 и 1853 гг. учреждались специальные секретные комитеты для выработки мер по борьбе с расколом, впоследствии ставшей одной из задач Министерства внутренних дел и III отделения. Массированное наступление на раскол было проведено в связи с указом 1853 г. об уничтожении раскольничьих скитов и молелен в ряде губерний: закрывались старообрядческие скиты и храмы, их прихожан принуждали посещать православные церкви, наставников били кнутом, клеймили и ссылали на каторгу⁴⁹.

Начало царствования Александра II открыло период чрезвычайного оживления общественной жизни. При этом политика господствующей церкви, ориентированная на полную поддержку государства и жесткое противоборство всем иным конфессиональным образованиям, не имела сторонников ни в среде собственной иерархии, ни среди приходского духовенства, ни у мирян, что препятствовало формированию единой церковной позиции. Особенно заметно это стало в период руководства Святейшим Синодом обер-прокурора К. П. Победоносцева в 1880–1905 гг., который, будучи хорошо осведомлен об оппозиционных настроениях в церкви, не обращал на них, впрочем, должного внимания.

Уже при Александре II на церковное законодательство начал влиять новый фактор государственной власти – Государственный совет. К зависимости церковной политики от воли императора и его представителя – обер-прокурора – теперь добавилась прямая зависимость от одного из государственных учреждений. Внутренняя политика государства все больше

⁴⁹ См., например: Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб.: Синодальная типография, 1895. С. 48–54.

определялась антиреформистскими тенденциями, стремлением обратить вспять уже проведенные реформы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что история взаимоотношений старообрядческих общин с государственной властью в России на протяжении XIX в. носила характер чередования периодов активных гонений и временных послаблений, объясняемых конфликтами интересов различных групп, влиявших на формирование этой политики и ее реализацию. Данное положение определяло общую двойственность и неопределенность государственной религиозной политики в этой области.

Раздел 1.2. – «Развитие основных толков старообрядчества к исследуемому историческому периоду» посвящен анализу групп внутри староверческого движения. Обладая особыми социальными, религиозными и политическими характеристиками, они формировали различные по сути схемы взаимоотношений между собой, с государственной властью, господствующей церковью и различными слоями российского общества. В разные исторические периоды этому способствовали особенности исторического становления и развития данных групп.

К концу XIX в. движение староверов не только приобрело черты полноценной религиозной конфессии, но и успело претерпеть ряд собственных внутренних расколов, породив множество новых религиозных течений, сект и их совокупностей («согласий»). Вследствие дискуссий по онтологической для вероисповедания проблеме епископской преемственности старообрядчество было представлено в России двумя основными толками: поповским (признававшим необходимость священников при богослужении и обрядах) и беспоповским (отрицавшим возможность существования легитимного духовенства).

При этом поповские согласия староверов, включавшие, по различным источникам, от 8 до 10 млн. человек, обычно придерживались принципов традиционной лояльности в отношении как государственных институтов, так и господствующей церкви. В свою очередь, они пользовались со стороны государства и официальной церкви определенными прерогативами и преимуществами, в частности, касавшимися свободы вероисповедания и вероучения, участия в общественной и производственной жизни, отсутствия преследований на общегосударственном и местном уровне. Также они пользовались определенной свободой изъяснения религиозной идентичности и проповеди.

Беспоповские толки старообрядчества (по различным источникам, от 3 до 5 млн. человек) чаще характеризовались радикализмом учений об отношениях

с государственной властью и обществом, были маргинализированы и разрознены, по причине дробления на малые секты, зачастую перераставшие в аморфные группы с экзотическими и сомнительными, с точки зрения норм морали и религиозного поведения своего времени, учениями и культурами.

Наличие в старообрядческой среде двух основных толков, возникновение и развитие которых было обосновано историческими реалиями различных периодов отечественной истории, обусловило обширный спектр реакций староверческих групп на государственную конфессиональную политику в период контрреформ Александра III.

В целом, история российского старообрядчества на протяжении XIX в. определялась противоречием между внутренней многоукладностью движения и попытками государственной власти выработать единую унифицированную систему взаимоотношений с данным движением на основе преимущественно репрессивных мер, сменявшихся краткими периодами послаблений.

Вторая глава исследования – «Положение старообрядцев в России в период контрреформ Александра III» состоит из трех разделов.

Раздел 2.1. – «Общая социально-политическая характеристика исследуемого периода» посвящен анализу исследуемого периода с точки зрения религиозно-церковной политики, развития государственной идеологии, основных социальных институтов и тенденций в общественном мнении.

Период царствования Александра III ознаменовался многочисленными переменами во внешней и внутренней политике, преимущественно связанных с политической стагнацией, сворачиванием курса реформ предыдущего правления и провозглашением государственной доктрины сдерживания. В то же время государственная политика способствовала процветанию Русской православной церкви, регулярно получавшей от правительства и различных социальных слоев империи материальную и административную поддержку⁵⁰. Например, существенные материальные и административные ресурсы были вложены в церковное образование и просвещение: за счет создания религиозных братств ширилась сеть церковных типографий и библиотек религиозной литературы. Религиозное образование, помимо позитивной программы, имело также и негативную, сводившуюся к предупреждению распространения в стране «сектантских» (фактически любых не связанных

⁵⁰ Выписка из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св[ятейшего]. Синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 годы, СПб.: Синодальная типография, 1892. С. 1, 10–11.

с государственной церковью) религиозных организаций. В семинариях были учреждены особые кафедры по изучению раскола и «сектантства».

В сочетании с широко известными фактами притеснения иноверческих общин, государственного антисемитизма, насильственной русификации и иных проявлений нетерпимости это способствовало формированию общей государственной идеологии «православного царства», сознательно отказывавшегося от имперской политики сплочения входящих в империю народностей на основе совокупности их неотъемлемых социально-культурных особенностей и образа жизни.

В социально-культурной сфере данный исторический период характеризовался, с одной стороны, организационным и идеологическим оформлением народнического движения, а с другой стороны, ростом философски-мистических настроений в литературе и искусстве, носивших определенно неортодоксальный религиозный характер и противопоставлявшихся доминировавшей в обществе религиозной атмосфере⁵¹.

Рассмотренные в разделе характеристики нового вектора развития государственной политики, состоявшего в предельной централизации политических и социальных процессов и ужесточении правительственного контроля за всеми сферами жизни, приводят к выводу о наличии тенденции к абсолютизации идеологической власти официальной церкви. Реализация этой тенденции подразумевала ужесточение преследований традиционных оппонентов господствующей церкви, в первую очередь, старообрядцев. Этими внешними условиями обоснованы, в частности, изменения в системе взаимоотношений государства и общества со старообрядческими религиозными группами в исследуемый период.

Раздел 2.2. «Особенности положения старообрядческих общин в период правления Александра III» посвящен анализу изменений, произошедших в исследуемый период в государственной политике России в отношении староверческих общин и в религиозно-церковной области в целом. В основе взаимоотношений между староверческими общинами и государственными институтами лежал ряд законодательных документов, определявших суть и формы осуществления государственного регулирования религиозной сферы и подвергавшихся в исследуемый период пересмотру в сторону ужесточения преследования общин, не

⁵¹ Богданович А. И. Мистические настроения в литературе иностранной и у нас // Годы перелома (1895–1906), сборник критических статей. СПб.: Книгоиздательство «Мир Божий», 1908. С. 21.

принадлежавших к господствующей церкви. Также в разделе анализируются формы взаимодействия правительственных учреждений со староверами.

Рассматривая особенности деятельности старообрядческих религиозных объединений конца XIX в., нужно признать, что они находились в непосредственной зависимости как от общего вектора развития государственной политики, так и от своей внутренней конфессиональной структуры и идеологии. Например, нельзя отрицать, что важную роль в формировании многих проблем во взаимоотношениях староверов с официальными государственными институтами играли внутренние разногласия между отдельными толками и более мелкими группами, свидетельства чего встречаются в прессе исследуемого периода⁵². Неоценимый вклад в описание и структуризацию движения раскольников в середине–конце XIX в. внес видный этнограф, религиовед и историк П. И. Мельников (1818–1883). В своей «Записке о русском расколе» (1857), служившей для государственной власти России исследуемого периода основным источником по данной теме, автор, в частности, впервые ставит проблему неадекватности государственной политики в отношении старообрядцев ее непосредственному объекту⁵³.

Действительно, более или менее одинаковое отношение правительства к различным старообрядческим общинам было несправедливым, поскольку широко распространенное поповское согласие, догматически мало отличавшееся от господствующей церкви и лояльное к государственной власти, зачастую подвергалось несопоставимо большим гонениям, чем настроенные откровенно антиправительственно мелкие секты⁵⁴.

Не являясь монолитным, мир староверов во второй половине XIX века, тем не менее, сохранял общие черты в мировоззрении и специфическую религиозную догматику, способность к самоорганизации ради собственной религиозной веры и своей страны. В то же время государственная политика данного периода воспринималась рядом современников как репрессивная и агрессивная.

Например, однозначно негативно оценивались как авторами старообрядцами, так и не принадлежавшими к их числу авторами, меры по

⁵² Панов, протоиер[ей]. Г. И. К делу о расколе // Православное обозрение, т. 3. М.: Университетская типография, сентябрь 1882. С. 155; Смирнов П. С. Из истории полемики с расколом // Православное обозрение. М., 1889. № 5 и др.

⁵³ Мельников П. И. Записка о русском расколе составленная Мельниковым для Великого князя Константина Николаевича по поручению Ланского // Сборник правительственных сведений о расколниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 1. Лондон, 1860. С. 169.

⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 247. Ед. хр. 848 (Записка о русском расколе. Без указ. авт., 1897). Л. 11.

«сужению религиозной свободы» старообрядцев, которые привели к запрету служения старообрядческого священства в 1900 г.⁵⁵.

Не в последнюю очередь все вышеописанные тенденции связаны с именем К. П. Победоносцева, по мнению политических оппонентов, «идеолога и вдохновителя» «новой охранительной политики», «главного ретрограда»⁵⁶. Ему принадлежит ряд инициатив по противораскольническому миссионерству, ограничению прав старообрядческих общин и наращиванию темпов пропаганды против раскола. В 1888 г. Святейший Синод предписал руководству епархий, где было зарегистрировано наибольшее количество сторонников неортодоксальных конфессий, особые «Правила об устройстве действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам». В этих правилах православному духовенству были предложены такие способы действий «против заблуждающихся и для охранения православных чад церкви от соращения в ереси и раскол», как нравоучительные беседы, организация бесед и чтений, учреждение новых церковно-приходских школ и школ грамоты⁵⁷.

Сами старообрядцы оценивали свое политическое положение в стране трагически: «Весь десяток с лишним миллионов старообрядческого русского народа также находился вне закона...»⁵⁸. Но так как в конце XIX в. они были уже вовлечены в общественную и экономическую жизнь страны (крупные промышленные предприятия, принадлежавшие староверам и опиравшиеся на рабочую силу из числа староверов, участие староверов во внутренней и внешней торговле, их вхождение в финансовую и экономическую элиту страны), вряд ли можно считать подобную оценку объективной.

Одна часть старообрядцев приняла довольно активное участие в политических процессах, другая осталась полностью индифферентной,

⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 579. Ед. хр. 387 (Памятная записка о событиях, происшедших за последнее время в старообрядчестве. Не ранее 13.12.1901). Л. 3–5.

⁵⁶ Флоровский, прот[оиерей]. Георгий. Пути русского богословия, издание второе, исправленное и дополненное / Интернет-версия под общей редакцией Его Пресвященства Александра (Милеанта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского, 2003. // Электронная библиотека «Вехи» [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/> (дата обращения: 12.05.2011).

⁵⁷ Определение свт[Святейшего]. Синода о мерах к предупреждению распространения штунды и других еретических учений // Церковные ведомости. М.: Синодальная типография. 2 декабря 1889. № 49. С. 6.

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 218. Ед. хр. 8 (Материалы к работе еп[ископа]. Пафнутия (П. П. Овчинникова) «Апология христиан-старообрядцев или рассмотрение и опровержение обвинений, возводимых на старообрядчество духовно-господствующей литературой и др.». 1881–1882 гг.). Л. 23.

третья – выступала противником участия староверов в политических событиях⁵⁹. К первой группе можно отнести старообрядцев-промышленников, входивших в экономическую элиту и способных оказывать косвенное влияние на события в стране, а также активных участников народнического движения из старообрядческой среды. Вне зависимости от социального положения и конфессиональной принадлежности старообрядцев их роль в политических процессах состояла преимущественно в выражении той или иной реакции на действия правительственных учреждений без возможности оказывать влияние на процесс принятия решений. Вопрос о процентном соотношении этих трех групп требует дополнительного изучения по причине недоступности верифицированных статистических данных.

Таким образом, общее положение староверческих общин на территории Российской империи в период контрреформ характеризовалось двойственностью и неопределенностью. С одной стороны, это положение было связано с определенной либерализацией религиозного законодательства и взаимоотношений господствующей церкви с неортодоксальными общинами. Ослабление преследований выражалось в обновленных редакциях ранее принятых законодательных документов и в издании новых документов по регулированию церковно-конфессиональной сферы. С другой стороны, положение старообрядцев определялось общими для политической ситуации в стране тенденциями к ужесточению государственного контроля за жизнью общества, общественных объединений и отдельных граждан, к изоляционизму в области государственного и церковного строительства, к искоренению либеральных тенденций предшествующего правления во внутренней политике.

Раздел 2.3. – «Участие старообрядцев в революционном движении», посвящен анализу деятельности членов староверческих общин в революционном народническом движении на основании изучения публицистических и мемуарных источников. Анализу подвергаются свидетельства участия представителей староверческих общин в народническом движении, а также привлечения староверов к деятельности народнических организаций. Религиозно-социальная общность старообрядцев воспринималась руководством народнического движения как потенциально протестная по отношению к существовавшему политическому строю.

⁵⁹ Пругавин А. С. Раскол вверху: очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб.: Изд-во товарищества «Общественная Польза», 1909. С. 243.

При этом нельзя отрицать негативное влияние, которое оказывали на развитие идеологии народничества внешние условия, а именно складывавшиеся в эпоху контрреформ основы «охранительной» государственной идеологии, снабженной инструментами для осуществления преследования оппозиционных групп. К середине 1882 г. «Народная воля» была фактически лишена руководства и ключевых активных фигур, ее Исполнительный комитет был уничтожен; другая народническая организация, «Черный передел», распалась в силу внешних причин, а самодеятельное революционное движение рабочих и крестьян было разобщено и, по естественным причинам, слабо.

В то же время общинные отношения собственности в последние десятилетия XIX в. подвергались серьезным испытаниям. Торгово-промышленные связи усложнились. Тяжелые условия труда в конце XIX–начале XX вв. православные рабочие воспринимали как неизбежность, в то время как рабочие-староверы, напротив, считали их несправедливыми и незаконными. На предприятиях, принадлежавших промышленникам-старообрядцам, начались волнения. Наибольшую известность приобрела «Морозовская стачка» на фабрике, принадлежавшей именно старообрядцам, где старообрядцы-рабочие выступали в роли основной движущей силы. Один из первых историков большевистской партии, выходец из старообрядцев А. С. Бубнов, став марксистом, толковал внутриобщинные разбирательства как развитие революционного рабочего движения⁶⁰. Распространение социал-демократических взглядов в старообрядческих группах объяснялось наличием в этой конфессиональной среде прочного общинного начала. Проблема русской общины во второй половине XIX в. была в центре идеологической борьбы различных общественных течений в России. Народники считали русскую общину и артель готовой ячейкой социализма.

Говоря об участии членов староверческих общин в революционном народническом движении конца XIX в., необходимо учитывать, что широту движению старообрядцев придавал социальный мотив, лежавший в его основе, – возвращение к старине, протест против существовавших порядков: крепостничества, централизации, подчинения государству духовного мира человека – в первую очередь, форм религиозного поклонения.

⁶⁰ Обуховская оборона в 1901 году (К 25-летию обуховской обороны). Сборник. Отдел ленинградского губернского комитета ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). М.-Л., 1926. С. 36–70.

В этой связи показательным видится отношение к религиозным и церковным сторонам народнической деятельности, продемонстрированное Ипполитом Никитичем Мышкиным, одним из главных обвиняемых на «процессе 193-х» (18 (30) октября 1877 – 23 января (4 февраля) 1878 гг.). Давая показания об обстоятельствах «хождения в народ», он, в частности, сообщил, что в революционном движении были широко распространены и обладали влиянием на умы религиозные секты, возводившие в догму отрицание государственной власти и борьбу с ней⁶¹. Приведенная далее И. Н. Мышкиным концепция религиозной свободы фактически идентична традиционному либерально-демократическому определению свободы совести, подразумевающему подход к организации масс и общественному строительству на основе поликонфессиональности и равноправия религиозно-конфессионального самоопределения отдельных личностей.

Но в начале царствования Александра III идеология народников в этой области меняется. Так, например, уже в номере газеты «Народная воля» от 5 февраля 1882 г. редакционная статья целиком посвящена смене этической и идеологической акцентуации революционного процесса. Основная ее идея состоит в решительном отказе от использования опыта религиозных (сектантских) протестных групп, поскольку вся история их борьбы свидетельствует об их неспособности инициировать какие-либо существенные перемены в государстве и обществе, отсутствии у них влияния на властные структуры, которые игнорируют их или, чаще, подвергают гонениям⁶².

По этим причинам для народнического движения уже не имели существенного значения антигосударственные идеи неортодоксальных религиозных групп, равно как и сами эти группы перестали рассматриваться народниками как потенциальные союзники. В то же время наработанные этими группами методики конспирации и пропаганды могли в дальнейшем послужить практическим нуждам революционного движения.

На основе вышеизложенного можно заключить, что тактика и стратегия народников позднейшего времени сохраняли в качестве основной задачи соединение всех оппозиционных элементов страны и создание на их основе действенной силы, которая добилась бы уничтожения самодержавия и

⁶¹ Речь И. Н. Мышкина на заседании Особого присутствия правительствующего Сената. Стенограмма. «Община». № 1. Женева, 1878. С. 17.

⁶² Народная воля. 1882. № 8–9. С. 1 // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 325.

обеспечения каждому гражданину прав и демократических свобод. Однако поиск новых путей оказался для народнического движения бесплодным.

Попытки придти к «общему знаменателю», например, выработать единую платформу по вопросам отношения к различным социально-культурным группам населения с их различными религиозными воззрениями, оттолкнули от движения радикальные элементы. В то же время эти идеи не вызвали, вопреки ожиданиям, активного отклика в либеральной интеллигентской среде, которая воспринимала идеологические метания как признак духовной незрелости движения в целом.

В отсутствие единой платформы политическая программа народников рассматриваемого периода, наполненная элементами стратегического радикализма и нетерпимости к инакомыслию, не виделась основным адресатам революционной пропаганды выгодной и целесообразной на фоне неблагоприятного экономического положения в стране, нарастания политических гонений и консервативного курса внутренней политики.

Особенности взаимоотношений двух основных течений в старообрядчестве с государственной властью в 1881–1894 гг. обусловили разные подходы представителей данных религиозных групп к общественной жизни и их реакцию на осуществление государственной политики. Представители поповских согласий в большей степени принимали участие в общественной жизни в качестве подданных, лояльных по отношению к существовавшему строю, государственной политике и ее периодическим изменениям (в частности, в период контрреформ), к господствующей церкви и складывавшимся в стране общественным, культурным и межконфессиональным отношениям. В то же время представители беспоповских согласий и многочисленных самостоятельных групп старообрядцев чаще характеризовались протестным поведением и радикализмом. Например, широко распространено было в данной среде понимание государства как коллективного Антихриста, и практический путь борьбы с ним представители старообрядческих общин видели, в частности, в революционной борьбе, в которой любые средства и сотрудничество с любыми общественными и политическими силами оправдывались для них конечной целью.

Старообрядцы различных согласий принимали участие в революционном, в частности, народническом движении в качестве активных его сторонников (агитаторов, издателей, пропагандистов, участников «хождения в народ») или пассивной питательной среды, предоставлявшей активным участникам

движения соучастие, сочувствие, социальную платформу для пропаганды и агитации. Также они активно поставляли революционному движению новых участников, обеспечивали ему теоретическую базу (индивидуалистические учения о свободе личности, отрицании и ниспровержении государственной и церковной власти) и практические методы (навыки конспирации, пропаганды и агитации, подспудного сопротивления действиям государственных институтов). Подтверждением этому являются некоторые страницы биографий участников народнического и социал-демократического революционного движения, непосредственно (личное участие) или опосредованно (изучение литературы или личного опыта) связанных с жизнью и деятельностью староверческих общин исследуемого периода.

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы его основные выводы.

Положение старообрядцев в Российской империи в правление императора Александра III определялось двойственностью и неопределенностью государственной политики в религиозно-конфессиональной сфере в связи с наметившимися в конце предыдущего правления тенденциями к либерализации и последовавшими за ними реакционными контрреформами. Данные изменения коснулись как имперского законодательства в целом, так и, в частности, взаимоотношений господствующей церкви с неортодоксальными конфессиями.

Староверы вступили в конфронтацию с выработанным в начале правления Александра III курсом на ужесточение государственного контроля за жизнью общества, изоляционизм и искоренение либеральных тенденций в области общественных отношений и внутренней политике. Одним из наиболее явных недостатков государственной политики в этой области являлось игнорирование церковными и светскими властями глубинных различий, существовавших в старообрядческой среде между основными и второстепенными толками, и применение к ним в одинаковой степени жестких репрессивных мер.

Наличие двух основных толков в старообрядческой религиозной среде, в свою очередь, обусловило различия в отношении староверческих групп к происходившим в стране процессам контрреформ в области церковно-конфессиональных отношений. Поповские согласия староверов преимущественно придерживались принципов традиционной лояльности по отношению к государственной власти и ее институтам, включая

господствующую церковь, и пользовались с их стороны определенными преимуществами и послаблениями. В то же время беспоповские толки старообрядчества и отдельные секты, маргинализованные и раздробленные, чаще характеризовались протестным поведением и отношениями конфронтации с государственной властью, официальной церковью и иными старообрядческими общинами.

Данные особенности двух основных течений в старообрядчестве в период 1881–1894 гг. обусловили различия в их подходах к участию в общественной жизни и взаимоотношениям с государством. При этом борьба с домом Романовых и официальной Русской православной церковью затрагивала интересы всех староверов. Но это противостояние завершилось достижением старообрядчеством юридического и социального равноправия с некогда господствовавшей церковью только в период с января 1905 г. по февраль 1917 г.

Основные положения диссертационного исследования отражены в пяти публикациях автора:

– *опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:*

1. Контрреформы 1880–1890 гг. в России в контексте теории исторических циклов // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). М.: Издательство МГУ, 2012. № 1. С. 104–110 (0,5 п. л.).

2. Государственная политика Российской империи по отношению к староверческим общинам во второй половине XIX века // Государственное управление: электронный вестник. М., 2011. № 27. [Электронный ресурс] URL: http://e-journal.spa.msu.ru/27_2011Kuzmishin.html (0,7 п. л.).

3. Конфессиональная политика России в оценке славянофилов // Государственное управление: электронный вестник. М., 2011. № 28. [Электронный ресурс] URL: http://e-journal.spa.msu.ru/28_2011Kuzmishin.html (0,5 п. л.).

– *опубликованных в прочих научных изданиях:*

4. Народническое движение в России в 1881–1882 гг.: основные события и тенденции // Российские гуманитарные и социально-экономические науки в новом тысячелетии. Сборник научных трудов. / Под ред. С. Н. Бледного и др. М.: Экслибрис-Пресс, 2011. С. 185–197 (0,7 п. л.).

5. Динамика развития взглядов представителей народнического движения в России на религиозную и церковную политику в 1880–1890 гг. // Российские гуманитарные и социально-экономические науки в новом тысячелетии. Сборник научных трудов. / Под ред. С. Н. Бледного и др. М.: Экслибрис-Пресс, 2011. С. 168–184 (0,8 п. л.).

Кузьмишин Евгений Леонидович

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 01.03.2012 г. Формат 60x90, 1/16
Объем 2,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 97

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26

